

Глава I. Корни революции

“ Испания — это двадцать миллионов рваных Дон Кихотов

Илья Эренбург

Революции кажутся обывателю бедствием, вызванным происками злых сил. Адепты революции видят в них локомотивы истории. Революции разрушительны, но происходят они тогда, когда эгоизм правящей касты не оставляет мирного выхода, когда развитие общества упирается в стену и начинает в давке размазывать по ней людей. Такая давка порождает революции. Революция — не локомотив истории, а ее таран. Она пробивает пути в будущее там, где они завалены наследием прошлого.

Линии разломов

Для Испании XX в. революция — дело привычное. В предыдущем столетии пять испанских революций развели по разные стороны баррикад традицию и модернизацию. Для одних испанцев образцом была Испания XVI в. — могущественная мировая империя. К чему подражать либеральным соседям? Ведь не они освоили для западной цивилизации Южную Америку, не они стояли на страже католического мира среди реформационных бурь. Другие испанцы видели, что Испания на глазах превращается в задворки Европы, в отсталую третьестепенную страну. Нужно было срочно освободиться от пут католического, патриархального, монархического прошлого.

Пока за обновление выступала прежде всего либеральная элита, традиционная почва держалась прочно. Но во время революции 1868–1874 гг. на политическую сцену вышел социализм и вовлек в социальное творчество рабочий класс[1]. И стало ясно, что почва треснула, модернизация — необратима. Для успешного перехода от традиционного аграрного к индустриальному городскому обществу традиция и прогресс должны быть сбалансированы и желательно — находиться в состоянии синтеза. В Испании углублялась пропасть между сторонниками разных стратегий модернизации и приверженцами старинного образа жизни. При этом традиционалисты тоже искали путь страны в будущее, а сознание прогрессистов было пропитано испанскими традициями.

После подавления революции в 1874 г. монархический режим предпринимал символические шаги в сторону либерализации, разрешил выборы и политический плюрализм в узких монархических рамках. В 1890 г. монархия дозволила даже всеобщее избирательное право для мужчин, что не поколебало ее основы. Голоса покупались местными боссами-касиками, полномочия кортесов были ограничены. На выборах либеральные монархисты соревновались с умеренными консерваторами, а их правительства сменяли друг друга.

Но в 1898 г. разразился крах, очевидный для всех. Потерпев поражение в испано-американской войне, Испания потеряла остатки карибских и тихоокеанских колоний. Это привело не только к национальному унижению, но и к осознанию недопустимого отставания Испании от ведущих империалистических стран. Кризис встал в повестку дня, но ответ на этот вызов заставил себя ждать еще три десятилетия.

«Новая Испания», сторонники прогресса, видели на своем пути два главных препятствия — монархию и Церковь.

«Старый порядок» цеплялся за свои позиции изо всех сил. Он апеллировал к вневременным ценностям испанской культуры, обличал модернизацию с ее издержками. Его идеологической опорой была Католическая церковь, которая видела свою миссию в Испании в сохранении традиционных социально-политических устоев. Связь «старого порядка» и Церкви была столь тесной и очевидной, что отношение к порядку переносилось и на отношение к Церкви. Как пишет историк Дж. Коннели, «в 1909 г. большинство священников, как и большинство рабочих, воспринимали Церковь как краеугольный камень существующего порядка»[2]. И это положение, как мы увидим, сохранялось в 30-е годы.

В начале XX в. очагом республиканской и антиклерикальной пропаганды стала Барселона. С 1901 г. здесь развернул свою агитацию создатель Радикальной республиканской партии (до 1907 г. — фракция Республиканского союза, позднее — Радикальный союз) Алехандро Леррус. В своем стремлении заручиться поддержкой широких масс, недовольных существующими порядками, Леррус был очень радикален в речах. Он призывал членов молодежной организации радикалов: «Юные современные варвары, вторгнитесь и разграбьте упадническую и жалкую цивилизацию этой несчастной земли: разружьте ее замки, сорвите покровы с послушниц и возведите их в ранг матерей, чтобы подбодрить род; проникните в учреждения регистрации собственности и устройте костер из бумаг, и этот огонь очистит позорную социальную организацию, ворвитесь в скромные дома и поднимите легионы пролетариата, и мир задрожит перед его пробудившейся юностью»[3]. Такая агитация ставила под политический контроль леррусистов сторонников радикальных перемен, в том числе — широкие массы рабочих.

Соратником Лерруса был Франсиско Феррер, но он был известен больше не как политик, а как просветитель. В 1901 г. Феррер открыл в Барселоне «Современную школу», которая стала готовить учителей для рабочих. Основой ее программы были светские взгляды, прямо противоречащие религиозным догматам. Издательство Феррера выпускало учебники с такими же принципами, пользовавшиеся большой популярностью среди учителей-прогрессистов. Стали открываться филиалы школы в других местах Каталонии. Центры обучения Феррера создавались на базе организаций Радикальной партии. Всего влияние педагогики Феррера тогда испытало более 1000 учащихся. 12 апреля 1906 г. он провел массовую манифестацию школьников в защиту светского образования[4]. Однако 31 мая один из сотрудников издательства Феррера бросил бомбу в официальную процессию в Мадриде (женился король Альфонс XIII) и покончил с собой. Феррер был арестован, «Современная школа» закрыта. Только через год выяснилось, что издатель не может отвечать за такие действия своего сотрудника, и Феррера выпустили. Но радикалы, которые в это время стали заботиться о своей респектабельности, больше не хотели сотрудничать с

опальным педагогом, и он обратил свой взор к анархо-синдикализму.

Феррер имел хорошие связи с европейскими либералами, масонами и анархистами, иногда представлялся как «философский анархист», но больше был известен как участник европейского просветительского движения (он был организатором Международной лиги рационального образования детей, председателем которой стал Анатолий Франс)[5]. Одновременно Феррер стал спонсировать рабочее движение Барселоны, которое приобрело синдикалистское направление, и советовал своим знакомым анархистам принять в нем активное участие.

Пропаганда Лерруса и Феррера упала на благодатную почву, церковники «достали» значительную часть населения сочетанием ханжества, властности и злоупотреблений. Леррус был избран депутатом, заигрывал с рабочим движением и социалистическими идеями. Это позволяло радикальным либералам контролировать значительную часть рабочих голосов в Каталонии. Правда, приобретя политическое влияние, в 1907 г. Леррус повернул курс партии к большей умеренности. Через четверть века эта эволюция превратит Лерруса в союзника клерикалов. Социальный кризис сделает старый культурный конфликт «двух Испаний» XIX века не столь важным по сравнению с социальным разломом. За два десятилетия Испания настолько изменится, что вчерашние радикальные либералы станут умеренными консерваторами, а политику будут определять социальные силы и факторы. Но отождествление Церкви с Системой угнетения сохранится.

И в начале века попытка Лерруса стать более респектабельным удастся далеко не сразу. Семена радикальной агитации прорастут, и в 1909 г. выльются в события в Барселоне, известные как «Трагическая неделя».

* * *

В первой трети XX в. Испания представляла собой страну, начавшую переход от традиционного общества к индустриальному, и «упершаяся» на этом пути в систему аристократических авторитарных порядков. Сам по себе социальный кризис эпохи модернизации — типичное явление, оно наблюдается в истории большинства стран. Но не в каждой стране происходит такая глубокая революция и такая жестокая гражданская война, как в Испании. В этом отношении Испанию можно сравнить прежде всего с Россией. Стремление «старого порядка» к самосохранению, эгоизм властной элиты оттягивали время перемен, что усугубляло кризис, вело к накоплению социального горячего.

В первой трети XX в. индустриальный прогресс уже достиг в Испании значительных успехов. В конце XIX в. быстро развивалась горнодобывающая промышленность. Добыча железной руды с 60-х гг. выросла в 43 раза и достигла 8,7 млн т (в том числе в колонии Марокко). Только 10 % этой руды переплавлялось в Испании. Возникли металлургия и машиностроение, текстильное производство. Конкуренентоспособность на мировом рынке сохраняло судостроение. К началу 30-х гг. в промышленности было занято около 2 млн чел., в сельском хозяйстве — 5,4 млн чел. Реальная власть в деревне принадлежала касикам — крупным землевладельцам и их представителям. Крестьяне — 86 % земельных

собственников, владели 15 % обрабатываемой земли. А помещики — 2 %, имели 67 % обрабатываемых земель. Отсюда — арендная кабала крестьян, нищета, исход «лишней» рабочей силы в крупные города, безработица и низкие зарплаты в промышленности. Лишняя рабочая сила выбрасывалась из деревни в города, толпы безработных давили на рынок труда, снижая уровень заработков.

Большинство населения оставалось неграмотным, театр, а затем и кино были недоступны для большинства испанцев как слишком дорогие развлечения.

Промышленное развитие не могло обеспечить «рассасывание» социальных язв в силу периферийной односторонности экономики. Сильные позиции в экономике Испании занимал английский и французский капитал (соответственно 20 % и 60 % иностранных инвестиций), а также капитал национальных меньшинств (басков и каталонцев).

Индустриальная модернизация быстрее шла в национальных регионах, чем в целом по Испании. В Каталонии было сосредоточено 90 % текстильного производства страны, четверть рабочих Испании. В 1920 г. в каталонской индустрии было занято 471246 человек, а в сельском хозяйстве — 335130. Промышленное производство Каталонии давало больше продукции, чем сельское хозяйство (текстильная продукция — 2 млрд песет, производство металлургии, химической и других отраслей промышленности — 500 млн песет, а сельскохозяйственная продукция — 1,5 млн песет). Таким образом, здесь общество становилось индустриально-аграрным. В Басконии производилось около 40 % добычи железной руды и более половины выплавки чугуна и стали. Количество занятых в промышленности в 1920 г. лишь немного уступало числу занятых в сельском хозяйстве (162163 против 165472)[6].

Каталонская и баскская политическая, коммерческая и культурная элиты считали, что права этих народов ущемляются Мадридом, что Каталония и Баскония стали для монархии «дойными коровами». В 1894 г. возникла Баскская националистическая партия, которая доживет до гражданской войны. Каталонские политические группировки сумеют в основном объединиться только к 1931 г. Бизнес и средние слои поддерживали националистов, выступавших за автономию и даже независимость Каталонии и страны Басков (Эускади). Рабочий класс Каталонии состоял в большинстве своем из испанцев, переселившихся сюда из других регионов. Тяжелое положение пролетариата делало из Каталонии, Басконии и соседней Астурии социальную бомбу с дополнительным национальным компонентом.

Переход от традиционного общества к индустриальному, когда происходит смешение социальных слоев, вышибание людей из привычной социальной ниши, порождает у них стремление вырваться из бедственного состояния, в котором оказался человек — либо «назад», либо «вперед». Первый путь предполагает «ностальгию» по прошлому, мечту о сохранении традиционных форм жизни. Однако чисто традиционалистское стремление к «прекрасному прошлому» соседствует с неприятием «проклятого прошлого». Выбитые, выломанные из своей социальной ниши массы весьма восприимчивы к новым идеям социальной свободы и обобществления производства, влияние которых связано уже с кризисом капиталистического хозяйства. Таким образом, происходит наложение и синтез традиции и утопии, порождающие две противоположности — фашизм и анархизм. Они

стремятся к модернизации, которая не ликвидирует структуры традиционного общества, а переносит их в систему индустриальной цивилизации. Фашизм соединяет имперский миф и аристократический элитаризм с национальной унификацией и индустриальной организацией. Анархо-синдикализм преобразует общину, крестьянский «мир» в рабочую самоорганизацию, синдикат. Бурное развитие анархизма, особенно анархо-синдикализма, стало важной особенностью Испанской революции даже в сравнении с Российской революцией, где анархизм тоже играл важную роль.

Развитию социалистических идей, особенно анархо-синдикализма, способствовали и традиции социальной солидарности испанских трудящихся. «Бескорыстность испанских крестьян всегда поражала иностранцев. Мартин Андерсен-Нексе рассказывал мне, что молодые годы он провел в Испании; денег у него не было, и неизменно крестьяне ставили перед ним тарелку супа: „Ешь“...»[7], — пишет И. Эренбург, и делится своими впечатлениями от посещения Испании в 1931 г.: «Безработные не получали никаких пособий. Я спрашивал, как они не умирают от голода, мне отвечали: „А товарищи?..“ Андалузский бедняк разрезал хлеб пополам и половину давал безработному соседу. Рабочие Барселоны несли часть полочки в профсоюзы — для безработных — без призывов, без громких фраз, просто, по-человечески»[8]. Таким образом, безработные все-таки получали пособие, но не от государства. Профсоюзы, общественные организации показали, что могут справляться с задачами, которые не по плечу государству.

Феодализм отмирал, идущий ему на смену капитализм нес новые бедствия. В этом — шанс для антикапиталистической, социалистической идеи. На монополию в трактовке социализма претендовал марксизм. Марксистскую традицию в Испании с 1879 г. развивала Испанская социалистическая рабочая партия (ИСПП, по-испански PSOE). Ее лидер Пабло Иглесиас во многом следовал примеру французских гедистов, но как рабочий-печатник решил сосредоточить усилия на развитии социалистического профсоюза[9]. В 1888 г. был создан Всеобщий союз трудящихся (ВСТ, по-испански UGT), который возглавил П. Иглесиас (он оставался его председателем до самой смерти в 1925 г.). Хотя сначала и партия, и союз были немногочисленны, их влияние росло, и ВСТ на время стал крупнейшим профобъединением страны. Однако к началу века он имел всего 32000 членов. Иглесиас, продолжая брать пример с французов (но теперь уже не с Ж. Геда, а с Ж. Жореса), вступил в союз с либералами и в 1910 г. при поддержке Республиканского союза был избран в кортесы. Однако на ниве и парламентской, и профсоюзной борьбы за социальные права у социалистов были сильные конкуренты — радикалы и анархо-синдикалисты.

В странах с традицией абсолютизма и длительной борьбы с ним идея огосударствления, предлагавшаяся прежде всего марксистами, вызывала сильное отторжение. Это способствовало развитию анархизма. На испанской почве анархизм пророс еще во времена революции 1868–1874 гг. под влиянием П. Ж. Прудона и М. А. Бакунина.

Распространившись среди рабочих, анархизм стал идейной основой синдикализма, защиты труда снизу, через революционные профсоюзы (синдикаты) — организацию самих рабочих, отрицавших партийное руководство социал-демократов. В 1900 г. рабочий съезд в Мадриде постановил создать анархо-синдикалистский профсоюз, но воплотить такое решение в жизнь монархической Испании оказалось не так-то просто.

Важнейшим центром рабочего движения, даже более активного, чем в Мадриде или Астурии, была Барселона. В 1902 г.[10] рабочие сумели провести здесь всеобщую стачку, закончившуюся локаутом и массовыми репрессиями против рабочих активистов. Но лидеры маленьких тред-юнионов не сдавались и в 1907–1908 гг. создали общегородской рабочий центр «Рабочая солидарность» («Солидарidad obrera»). Феррер согласился спонсировать издание одноименной рабочей газеты. Следуя влиянию французского рабочего движения с его «Амьенской хартией» 1906 г., «Солидарidad obrera» провозгласила, что не намерена выбирать между двумя направлениями социализма (то есть между марксизмом и анархизмом), а сосредоточится «исключительно на классовой борьбе»[11]. Это самоограничение в выборе стратегии постепенно привело французскую Всеобщую конфедерацию труда на путь поппулизма, решения сиюминутных задач. В Испании развитие синдикализма пошло иначе. Здесь ситуация была более отчаянной для рабочих, и сами они оказались куда радикальнее.

Формированию радикальной традиции рабочего движения способствовали и события «Трагической недели» 1909 г. 26 июля профсоюзы начали всеобщую стачку против мобилизации барселонцев в армию на непопулярную Марокканскую колониальную войну. Уже 27 июля стачка переросла в вооруженные столкновения и массовые нападения на церкви и монастыри. Причем, как выяснило последующее расследование, в организации стачки были замешаны анархисты, а инициаторами сожжения монастырей были члены молодежной организации радикалов, вдохновленные зажигательными речами Лерруса (сам он в это время находился за пределами Испании). Всего в Барселонском бунте участвовало около 3 тысяч человек. К 1 августа стрельба, стачка и поджоги закончились. Было сожжено 12 церквей и 40 монастырей и других церковных учреждений. При этом погибло три служителя церкви. В ходе перестрелок было убито 8 военных и полицейских (124 ранено). Погибло 108 гражданских (большинство — повстанцы)[12].

1725 человек были привлечены к суду военных трибуналов (214 из них не были пойманы), часть потом передана гражданским судам. 458 человек были осуждены, причем 17 — к смертной казни (больше, чем число погибших со стороны власти и Церкви). Из них пятеро были казнены, остальные получили пожизненное заключение. Никто из казненных не был виновен в убийстве[13]. При вынесении приговора трибуналы учитывали мотивы обвиняемого, степень его ненависти к существующим порядкам. Расследованию был нужен «организатор» восстания, нельзя же было признать, что оно вспыхнуло спонтанно в ответ на действия правительства и как результат массовой ненависти к Католической церкви. Наиболее очевидной в организации насильственных действий была роль радикалов. Но они как раз накануне 1909 г. начали сдвигаться к нише респектабельных либеральных политиков, надеялись добиться разрешения на создание общеиспанской партии (Леррус получит такую возможность в 1911 г.). Причастность к организации бунта была для радикалов совершенно некстати, и они стали «переводить стрелки» на другого «козла отпущения».

На основании показаний радикалов 31 августа был арестован Ф. Феррер[14]. Он не принимал непосредственного участия в восстании, хотя выступал за революцию, а стачка была организована рабочими, с которыми он был связан. В восстании участвовали некоторые его сотрудники и ученики. Поскольку Феррер был республиканцем (но не

радикалом), масоном, «философским анархистом» и имел зарубежные связи, было очень удобно представить его теневым организатором восстания, проводником иноземного влияния. Феррер был приговорен к смерти и 13 октября 1909 г. расстрелян. Его гибель вызвала международную волну протеста.

«Трагическая неделя» имела множество важных долгосрочных последствий. Рабочие разочаровались в политиках, которые превратили социальную и пацифистскую стачку в антицерковный погром. Вырос авторитет идеи «прямого действия» рабочих против предпринимателей — без участия политиканов.

С этого времени начинается падение авторитета радикалов и вообще либералов среди рабочих, партия радикалов сдвигается все дальше вправо. Место популиста Лерруса в оппозиционном либеральном спектре постепенно занимают представители интеллигенции, далекие от рабочего движения и социальной проблематики. Ниша политического представительства рабочих освободилась для ИСРП.

Дело просвещения рабочих от Феррера подхватил Иглесиас, как раз в это время получивший широкую известность после избрания депутатом. ИСРП сделала просвещение важным направлением своей деятельности. По словам исследователя Р. Гиллесли, «ИСРП рассматривала себя как образованную элиту рабочего класса, чьей миссией является просветить остальных»[15].

Гибель Феррера — видного проводника светской культуры — углубила раскол между двумя Испаниями. Католическая консервативная Испания видела в светском образовании источник разрушительного бунта, светская Испания получила доказательство, что «инквизиторский» режим готов приносить на алтарь своего самосохранения невинные жертвы. Поскольку в последние годы Феррер сблизился с анархистами, он стал мучеником анархистского движения, и его посмертный авторитет был унаследован прежде всего анархистами. Рост их авторитета был закреплен сдвигами в рабочем движении Каталонии.

31 октября 1910 г. представители профсоюзов, не входящих в социал-демократический ВСТ, решили превратить барселонскую «Рабочую солидарность» в общеиспанский профцентр. Эта идея вызвала протесты со стороны социал-демократов, работавших в «Рабочей солидарности», — они считали, что достаточно присоединиться к ВСТ. 8 сентября 1911 г. общеиспанская рабочая конференция провозгласила создание Национальной Конфедерации Труда (НКТ, по-испански — CNT). Социал-демократы отказались в ней участвовать, так как у них уже был свой профцентр, а вот анархисты по завету Феррера усилили работу в НКТ. Конфедерация выступила за прямой путь к «социальному освобождению», то есть не собиралась оставаться в рамках сиюминутной борьбы за зарплату. Власти не собирались разрешать новое профобъединение с центром в Каталонии, где только что произошло восстание (только в 1914–1918 гг. были сделаны послабления), и НКТ существовала полуподпольно, в условиях острой конфронтации с властью и предпринимателями. Умеренные тред-юнионистские лидеры вышли из НКТ, и она стала анархо-синдикалистским профобъединением. Стачки НКТ отличались особой бескомпромиссностью требований, так как в конечном итоге преследовали цель разрушения существующего общества и замены его другим — анархическим коммунизмом.

За десятилетия подпольного развития анархизм создал собственную субкультуру рабочего и крестьянского протеста. Несмотря на быстрый рост, НКТ в этот период не подверглась бюрократизации. В соответствии со своими анархистскими принципами, она имела тогда только одного освобожденного работника[16]. Дешевизна аппарата и демократизм отношений также привлекали рабочих в НКТ. Конфедерация быстро вобрала в себя почти всех анархистов. Анархисты стали ее идеологами. Однако в НКТ было и много рабочих, которые не задумывались о проблемах анархизма, но поддерживали синдикалистские методы борьбы за свои социальные права. В 1927 г. возникла собственно анархистская организация — Федерация анархистов Иберии (ФАИ).

Более умеренные и использующие политические средства борьбы ИСРП и ВСТ имели преимущества в распространении своего влияния в общеиспанском масштабе. Однако НКТ соперничала с ним и по численности, и по влиянию, особенно в Каталонии, с ее антиабсолютистскими традициями.

Революционная волна 1917–1923 гг.

Экономические последствия Мировой войны дестабилизировали хрупкую конструкцию испанской монархии. Хотя страна и была нейтральной, она оказалась на грани революции. Инфляция больно ударила по уровню жизни самых широких слоев населения — включая даже часть офицерства. Так что офицеры с ноября 1916 г. стали создавать хунты (советы) в защиту своих прав. Попытка правительства подавить это движение в мае 1917 г. поставило страну на грань военного восстания, и король пошел на уступки. Умиротворив офицерство, правительство бросило войска на подавление рабочих выступлений[17].

В 1916–1923 гг. Испанию потрясали мощные стачки, а общее количество только зарегистрированных забастовок выросло в 1915–1917 гг. с 169 до 305[18]. В 1917 г. в организованных ВСТ и НКТ забастовках участвовало около 200 тысяч человек[19]. В мае 1916 г. ВСТ и НКТ объявили о начале кампаний против роста цен. ВСТ намеревался давить на правительство, а НКТ — прежде всего на предпринимателей. 17 июля 1916 г. представители НКТ (С. Сеги, А. Пестанья и А. Лакорт) и ВСТ (Х. Бестейро, Ф. Ларго Кабальеро и В. Баррио) согласовали Сарагосский пакт о предстоящей всеобщей стачке. Это заявление напугало правительство настолько, что оно приостановило конституционные гарантии (и без того куцые).

Несмотря на то, что премьер-министр де Романонес встречался с представителями ВСТ и обещал помочь рабочим, ничего сделано не было, и 18 декабря была проведена первая предупредительная 24-часовая общенациональная забастовка. Ее успех и равнодушие правительства к социальной политике толкали рабочих лидеров к проведению уже долгосрочной всеобщей стачки. Но вот по поводу ее подготовленности социал-демократы сомневались и с трудом отговорили анархо-синдикалистов от затеи немедленно провести всеобщую стачку в Барселоне.

В июле 1917 г. события спровоцировала парламентская оппозиция. Еще в июне правительство очередной раз приостановило конституционные гарантии и распустило

парламент (кортесы). Тогда 19 июля 78 депутатов (в большинстве своем каталонцы) вопреки запрету собрались в Барселоне на «Парламентскую ассамблею» и были тут же разогнаны. Разгневанные депутаты угрожали правительству забастовкой, и один из них, М. Доминго, сообщил рабочим-железнодорожникам, что Ассамблея дала сигнал к общенациональной стачке. Либеральная провокация удалась. Рабочие поверили и «начали». Поскольку ни НКТ, ни ВСТ были не в курсе этого «призыва», за железнодорожниками никто не последовал. Когда недоразумение выяснилось, железнодорожники прекратили стачку, но тут предприниматели проявили свою мстительность и уволили весь актив профсоюза. Теперь уже ВСТ должен был бороться «за своих». После того, как компания отказалась вернуть на работу уволенных, на 13 августа была назначена всеобщая политическая стачка с требованием создания Временного правительства и созыва Учредительного собрания. Конечно, теперь дело железнодорожников оказалось предлогом. Если уж готовили революционную стачку, не растрачивать же силы на частные требования.

В нескольких городах (Барселона, Бургос, Сарагоса, Бильбао и др.) развернулись столкновения между стачечниками и войсками. В Барселоне забастовщики запретили движение трамваев во время стачки. Правительство из принципа поддерживало его силами военных, а рабочие обстреливали трамваи — так что пассажиров в них все равно не было. Армия, еще недавно боровшаяся за свои социальные права, не церемонилась — артиллерия разрушала дома, из которых раздавались выстрелы.

18-19 августа забастовка была подавлена. По разным данным, погибло от 80 до 500 человек. Члены забастовочного комитета Ф. Ларго Кабальеро, Х. Бестейро, Д. Ангиано и А. Саборит были 15 августа арестованы. Всего за решеткой оказалось более 2000 человек[20]. Жесткость действий правительства потрясла страну.

Члены забастовочного комитета были приговорены к пожизненной каторге. В стране развернулось движение за их освобождение. В 1918 г. они были избраны в кортесы, и по законам королевства освобождены[21]. «Почувствовав себя преданными средними классами, ВСТ и НКТ впоследствии стали серьезно смотреть на идею объединения, но оно так и не было достигнуто»[22]. Мы увидим, что у этой идеи был долгая история начиная с 1917 г. И не только у нее.

Можно согласиться с И. Медниковым: «Все три линии возможного развития Испании — военная диктатура, буржуазная и социальная революции — были обозначены в 1917 г.»[23] Однако события 1917 г. показали слабость либеральной «фронды» против монархии, которая приобрела серьезное влияние прежде всего в Каталонии, а не в общенациональном масштабе.

Репрессии ослабили ВСТ, но обстановка в стране продолжала накаляться. На авансцену вышли синдикалисты НКТ, которые как раз были настроены на жесткую конфронтацию. В феврале 1919 г. НКТ потребовала восстановить на работе нескольких уволенных рабочих, а когда предприниматели отказали, то Барселона снова была парализована стачкой. Власти ввели осадное положение, но стачком запретил газетам публиковать официальные акты. Массовые аресты не помогли, и 24 марта требования забастовщиков были удовлетворены. Забастовки продолжались и в дальнейшем. К тому же развернулась ожесточенная война

между террористическими группами НКТ и террористами — «пистолерос», нанятыми предпринимателями. На стороне нанятых террористов действовала полиция, которая практиковала расстрелы профактивистов «при попытке к бегству». В 1917–1923 гг. в Барселоне произошло около 1000 политических убийств и расстрелов. В 1919 г. анархисты убили руководителя «пистолерос» Браво Портильо. В марте 1923 г. погиб лидер НКТ С. Сеги, выступавший против эскалации терроризма. После этих событий большую популярность в анархо-синдикалистском движении приобрели удачливые «робин гуды» терроризма Буэнавентура Дурутти и Франсиско Аскасо (группа «Носотрос»).

Под давлением массового стачечного движения правительство пошло на уступки: в 1920 г. были введены 8-часовой рабочий день и страхование по инвалидности и старости. Был запрещен детский труд. Повысилась зарплата. В 1920 г. 74 % забастовок были выиграны или частично выиграны стачечниками[24].

* * *

В 1917–1921 гг. среди участников испанского социалистического движения был крайне популярен опыт российской революции. 15 апреля 1920 г. лидеры Федерации социалистической молодежи провозгласили создание Коммунистической партии Испании (КПИ). В первый ЦК вошли А. Буэндиа, В. Аройо, Р. Милья, М. Грасия и др.

Идея присоединения к Коминтерну была популярна и в ИСРП, которая заметно радикализовалась в ходе революционного подъема 1917–1923 гг. В декабре 1919 г. на съезде партии большинство делегатов осудило оппортунистическое грехопадение II Интернационала и поддержало «принципы русской революции», о которых в Испании было довольно смутное представление. Небольшим большинством было решено подождать с немедленным присоединением к Коминтерну, пока не пока не выяснится, какие решения примет Женевская социал-демократическая конференция, намеченная на 1920 г. Делегаты заявили о готовности включить ИСРП в Коминтерн, если на ней социал-демократия не пойдет революционным путем.

Однако когда 19 июня 1920 г. открылся Чрезвычайный съезд ИСРП, посвященный этому вопросу, стало ясно, что руководство Коминтерна в Москве ставит очень жесткие условия вступления, расходящиеся с демократическими традициями ИСРП. Лидеры социалистов Франсиско Ларго Кабальеро, Хулиан Бестейро и Фернандо де лос Риос выступали за присоединение к Коминтерну на условиях идейной и тактической автономии, а также за сближение между Коминтерном и левым крылом социал-демократии. Для выяснения возможности такого участия в Коминтерне съезд направил в Москву Ф. де лос Риоса и Д. Ангиано. В ноябре-декабре представители ИСРП провели в Москве переговоры с Исполкомом Коминтерна и консультации в его секретариате. 10 декабря Ленин объяснил испанцам, что они могут войти в Коминтерн только на основании 21 условия, и решения съезда ИСРП неприемлемы. Таким был и официальный ответ Исполкома Коминтерна (ИККИ): Коминтерн — это не «клуб социалистов, которые желают жить, имея общий идеал»[25].

Делегаты ИСРП вернулись разочарованными не только в ответе Коминтерна, но и в результатах большевистского эксперимента, который де лос Риос подверг жесткой критике как бюрократическую диктатуру. В развернувшейся затем дискуссии сторонники присоединения ИСРП к Коминтерну проиграли.

9 апреля 1921 г. Чрезвычайный съезд ИСРП открылся для окончательного решения вопроса. Большинство отказалось присоединиться к Коминтерну. От ИСРП откололось левое крыло (А. Гарсиа Кехидо, Ф. Пересагуа, В. Гонсалес, Д. Ангиано и др.), которое провозгласило создание Испанской коммунистической рабочей партии. При этом сохранялась и КПИ, возникшая в 1920 г. Так что на III конгресс Коминтерна в июне 1921 г. приехали делегаты сразу двух компартий, и их с трудом удалось объединить 7 ноября 1921 г. в одну КПИ численностью в 7-10 тыс. членов. Разногласия между «молодыми» леваками и «взрослыми» центристами сохранялись и позднее[26].

Был еще и третий источник испанского большевизма. Один из лидеров НКТ Андрес Нин заявил о вступлении НКТ в Коминтерн, не получив от организации на это полномочий. Однако после своей поездки в Россию другой лидер синдикалистов А. Пестанья пришел к выводу, что большевики установили в стране террористическую диктатуру. Испанские анархо-синдикалисты узнали о расправе над Кронштадтом и подавлении крестьянских движений. После этого НКТ разорвала все отношения с Коминтерном и вступила в воссозданное в 1922 г. синдикалистами Международное товарищество рабочих. Не согласившись с этим, А. Нин и несколько других синдикалистов приняли участие в создании КПИ. Сохранив связи в НКТ, сторонники Нина выпускали газету «Ла Баталья», выступавшую за присоединение синдикалистов к Профинтерну. В 1923–1924 гг. они развернули на эту тему дискуссию в НКТ, но проиграли. Впоследствии А. Нин работал в Москве, поддержал Троцкого. Вернувшись в Испанию в 1930 г. Нин создал движение «Левые коммунисты Испании», до 1933 г. связанное с Троцким. Позднее, в сентябре 1935 г., движение Нина объединилось с другой антисталинской коммунистической организацией — Рабоче-крестьянским блоком Х. Маурина — в Объединенную рабочую марксистскую партию (ПОУМ). Эта партия во время революции приобрела некоторое влияние в Каталонии. КПИ вслед за Исполкомом Коминтерна (ИККИ) воспринимала ПОУМ в качестве троцкистов, но А. Нин и его товарищи порвали с Л. Троцким еще в 1933 г., и троцкисты были исключены из ПОУМ[27]. Объединенную партию возглавил Маурин, но с началом гражданской войны он оказался в плену у франкистов, и ведущим лидером ПОУМ стал Нин.

Коммунистическая партия в Испании возрастала на каменистой почве. С одной стороны, трудно было привлечь радикальные массы, когда рядом действует массовое анархо-синдикалистское движение. С другой стороны, не получается оттянуть от анархистов и тех, кто устал от анархистской дезорганизованности. Во-первых, анархисты в Испании были весьма организованные. Во-вторых, рядом успешно развивается Испанская социалистическая рабочая партия. И ее вождей трудно обвинить в трусости: у них за спиной — кандаальный звон 1917 года. Так что коммунисты пока влачили чуть заметное существование благодаря скудной советской помощи. Во время диктатуры Примо де Ривера влияние КПИ сошло на нет, к 1931 г. ее численность составляла около 800 человек[28].

Диктатура Примо де Ривера

Тем временем революционный подъем в Испании, как и во всей Европе, подходил к концу. 13 сентября 1923 г. военные во главе с генералом М. Примо де Ривера осуществили переворот. Кортесы и партии были распущены, даже прежние урезанные гражданские гарантии отменены. Диктатор стал опорой монархии. Развернулись репрессии против анархистов, коммунистов и активистов национальных движений в Каталонии, Басконии и Галисии.

Новый правитель Испании не был обычным реакционером. Примо де Ривера пытался осуществлять государственное регулирование экономики и принудительную монополизацию промышленности. Государственные средства вкладывались в развитие инфраструктуры — в строительство дорог, электрификацию. Правда, масштабы коррупции монархической бюрократии были таковы, что результаты такой модернизации оказались незначительными, а государственный долг вырос на 4322 млн песет (доллар стоил 5–6 песет).

В мае 1924 г. была создана единственная официальная партия Патриотический союз. Проводилась политика насильственной испанизации каталонцев и басков. Во многих отношениях Примо де Ривера предвосхитил диктатуру Франко, но без характерной для последнего жестокости.

Подобно многим лидерам межвоенной Европы, Примо искал ответы и на «рабочий вопрос». Он выступил за сотрудничество с лидерами ВСТ. В октябре 1923 г. диктатор принял секретаря профсоюза горнорабочих Астурии Льянеса и договорился о создании смешанной комиссии из представителей рабочих и администрации для изыскания путей поднятия производства. Это решение соответствовало идее Ларго Кабальеро об участии рабочих в управлении производством и опыту смешанных комиссий, возникших в 1919 г. в Каталонии для сглаживания острой социальной конфронтации. После этого «пробного шара» началось сближение диктатора и руководства ВСТ. ИСРП фактически раскололась по отношению к диктатуре. Для одних лидеров (Ф. Ларго Кабальеро[29] и др.) приоритетом были социальные программы, для других (Индалесио Прието[30] и др.) — сохранение представительных органов власти, «либеральной демократии». Это размежевание проявится и во время Гражданской войны.

В октябре 1924 г. Ф. Ларго Кабальеро с согласия национальных комитетов ИСРП и ВСТ вошел в Государственный совет — совещательный орган при диктаторе. Ларго считал, что «организация рабочего класса не должна противостоять диктатуре ради того, чтобы защищать политические партии, потерявшие весь свой престиж»[31]. В период правления Примо де Ривера легально выходила газета ИСРП «Эль Социалиста», сохранилась сеть Народных домов, принадлежавших ВСТ и ИСРП. ВСТ организовал в стране сеть бирж труда и арбитражных комитетов, которые могли решать часть трудовых конфликтов без обычного для Испании того времени насилия. Эксперимент принес плоды — влияние профсоюзов в 20-е гг. выросло, положение рабочих было стабильным вплоть до Великой депрессии. Сотрудничество с профсоюзным руководством помогало смягчать и разрешать часть

конфликтов, но забастовки по-прежнему подавлялись, а проводившие их организации ВСТ закрывались государственными структурами. Количество открытых трудовых конфликтов упало с 1060 в 1920 г. и 465 в 1923 г. до 165 в 1924 г. и 181 в 1925 г.[32]

26 ноября 1926 г. был принят королевский декрет о создании смешанных комиссий в масштабах всей страны (диктатура вдохновлялась как идеями социалистов, так и фашистского режима Муссолини, который принял 3 апреля 1926 г. закон о корпорациях). В отличие от Италии, Примо не пошел на создание тоталитарной системы и не распустил классовый профсоюз ВСТ. Таким образом, испанские «корпорации» не управляли рабочей силой, как в Италии, а были структурой, предназначенной для достижения компромисса и государственного арбитража.

Опыт ВСТ воздействовал и на лидеров НКТ, деморализованных переворотом Примо и последовавшими за ними репрессиями[33]. В 1930 г. анархо-синдикалисты вступили в переговоры о легализации НКТ[34]. Вскоре после падения диктатуры и монархии борьба умеренных и радикалов приведет к расколу НКТ.

Репрессии диктатуры обострили конфликт между поколениями в КПИ. Генеральный секретарь Р. Гонсалес, который принадлежал к «старикам», был обвинен в недостаточно решительном сопротивлении диктатуре и в 1925 г. сменил на «молодого» Х. Бульехоса. Впрочем, никакой возможности переломить ситуацию у коммунистов не было — ни у «центристов», ни у левых экстремистов. Партия была практически разгромлена диктатурой.

Активизировалось республиканское движение. Союз монархии и диктатуры толкнул в лагерь республиканцев часть либеральных монархистов, в том числе видного литератора Мануэля Асанью Диаса. В 1925 г. они с Хосе Хиралем создали партию «Республиканское действие».

Диктатура справлялась и с протестами либералов, и с волнениями студентов, и с небольшими военными заговорами, и с вооруженными вылазками каталонских националистов. Большим успехом диктатуры стало совместное с Францией подавление в 1926 г. восстания рифов в Марокко (поражение Испании в Марокко в 1922 г. стало одной из причин установления диктатуры).

Устойчивость режима сохранялась до 1929 г. Начавшаяся Великая депрессия показала, что относительное процветание времен Примо — мыльный пузырь. Государство оказалось на грани банкротства. От Примо отвернулись даже правые политики. 26 января 1930 г. диктатор запросил капитан-генералов (военных губернаторов) и командующих о том, считают ли они необходимым сохранять дальше диктатуру. Ответ был отрицательным. В этой обстановке диктатор 28 января 1930 г. подал в отставку, а король с удовольствием ее принял. Он хотел править сам. Но почва уходила из под ног монархии. Консервативные военные не простили королю отставки Примо, а либералы и социалисты, заключившие «Сан-Себастьянский пакт» между собой, развернули республиканскую агитацию. В декабре 1930 г. была предпринята плохо подготовленная попытка республиканского переворота, которая была быстро подавлена. Но монархия не решилась на суровые репрессии против республиканцев, опасаясь, что это вызовет взрыв возмущения.

Версия #2

Зверобой создал 5 мая 2025 18:41:43

Зверобой обновил 5 мая 2025 20:30:03